

Кирилл ОЛЮШКИН

г. Дубна,

Московская область

Если мы попытаемся описать известную катастрофу 14 апреля 1999 года в мельчайших подробностях или решим взглянуть на нее как бы с высоты птичьего полета, наш рассказ сведется к простому изложению телевизионных репортажей, обошедших в тот памятный день экраны всего мира. Видеохроника скажет лучше. Впервые за добрых полвека Европа ужаснулась по-настоящему.

Однако нельзя не согласиться, например, с популярным общественным деятелем, доктором медицины Калемом Хьюзом, который и по сей день не устает напоминать: катастрофа явилась, прежде всего, личной трагедией десятков тысяч незаметных людей, скромных обывателей злополучного Города.

Вот каким запомнилось утро 14 апреля Джеку Баррету, служащему одной из городских контор.

Проснувшись довольно рано, Баррет встал и отправился поставить на плиту воду для кофе, по пути он захватил из уборной бритвенные принадлежности. Было без четверти семь. Извергнув струю мутноватой воды, сыто заурчал кухонный кран. Сдобная булка на столе пахла корицей и карамелью.

И в эту минуту воздух вокруг зазвенел, словно бы разом пробудились миллионы комаров, уши заложило. Бросившись к окну, Джек в ужасе пробормотал несколько слов из Pater

poster, ничего больше просто не пришло ему в голову.

Баррет занимал небольшую квартиру напротив здания Национального банка, но теперь вместо привычного желтого фасада увидел только стену бурой пыли. Руки бедного клерка еще продолжали машинально взбивать в чашке мыльную пену, когда пол под его ногами накренился, как палуба, и стало темно. Очнувшись Баррет лишь через сутки, в госпитале Красного Креста.

Именно так — мгновенно — по свидетельствам немногих оставшихся в живых очевидцев, произошло потрясшее мир событие: старый Город пал. Уже на следующий день зазвучали требования даже ввести новое летосчисление от скорбной даты. Идея долго и серьезно обсуждалась.

Согласно официальной версии, катастрофа была вызвана небывалой силы землетрясением, что подтверждается характером и масштабом разрушений. Многочисленные мистики уверены в Божественном вмешательстве, что, на наш взгляд, официальной версии противоречит не особенно.

Как бы то ни было, тысячи людей погибли, небольшое европейское государство в одночасье лишилось столицы, а Совет Наций получил колоссальную, но требующую быстрого разрешения проблему: что теперь делать?

Академик Тамм присутствовал уже на одиннадцатом по счету чрезвычайном заседании Совета, слушал доклад видного экономиста и невыразимо страдал. Филолог, привыкший неделями не покидать тихой гатчинской квартиры, он мысленно проклинал политиков, которые заявили: вопрос о поверженном Городе должен обсуждаться лучшими представителями всего человечества. В том, что к их числу принадлежит многоуважаемый Nicholas P. Tamme, — не усомнился никто. Новые ботинки Николая Петровича, приобретенные в Гостином дворе перед поездкой (специально для посещения заседаний), жали немилосердно, а докладу не видно было конца.

Суть доклада сводилась к тому, что маленькая и отнюдь не богатая страна не сможет восстановить свою столицу без помощи мирового

сообщества, — это понятно. Однако и возможности последнего безграничны. На рассмотрение Совета представлен, казалось бы, оптимальный проект реставрации, но смета...

Тут докладчик сокрушенно развел руками и назвал некую цифру, для наглядности сопоставив ее с суммой годовых бюджетов Украины и Нидерландов.

— Таким образом...

— Нет, позвольте!..

Делегаты напряженно заерзали на своих местах, когда посреди зала поднялся человек двухметрового роста в щегольском бежевом костюме. Все знали, что политический аналитик и международный телеобозреватель Конрад Кох умеет, когда нужно, избежать скандала, но пользуется этой способностью неохотно. Задремавшие было журналисты встрепенулись, ожидая сенсации. Благодаря их стараниям теперь мы можем восстановить ход исторического заседания достаточно подробно.

— Почтенный докладчик не упустил ничего, кроме главного. Впрочем, несведущему простительно.

Телеобозреватель по-волчьи осклабился, ожидая реакции и готовясь к баталии. Но экономист, криво улыбнувшись, шагнул в сторону президиума, демонстративно уступая Коху трибуну:

— Тогда, может быть, вы меня просветите?

— Охотно.

И бежевая каланча в пять шагов преодолела путь от своего кресла к всемирной славе.

Напористая речь Коха, давно признанная вершиной его карьеры, неоднократно публиковалась и не требует пересказа. Атмосферу этого выступления неплохо передают сохранившиеся диктофонные записи. Участники заседания настолько живо заинтересовались мнением самозванного лектора, что к концу речи — случай для такого рода мероприятий беспрецедентный — раздались выкрики с мест:

— Всё это прекрасно: толково, познавательно, остроумно. И все же не могли бы вы кратко, так сказать, беглым пунктиром?

— Да-да. А в чем, собственно, состоит ваше предложение?

— Вижу, вас просто обескуражила суть моей идеи, — в голосе Коха послышалось нескры-

ваемое превосходство. — Что ж. Могу даже наглядно.

В настроенной тишине, словно предваряя начало циркового фокуса, зашелестела оберточная бумага.

— Да что у него там?

— Нуте-с, нуте-с...

— Прошу прощения... Всё. Дамы и господа, я готов. Одним словом — вот.

И, судя по звуку с магнитной ленты, телеобозреватель хлопнул по трибуне изрядной толщины томом.

— Вот вам проект реставрации. Давно составленный, подробнейший, бесспорный и профессионально прокомментированный.

Закрякали кресла, сотни задов приподнялись в едином порыве любопытства. Первым разглядел и возмутился охаянный Кохом экономист:

— То есть вы буквально? Не для красного словца?

— Совершенно буквально.

И, не давая опомниться набухающей гулом аудитории, Кох со свистом рассек ладонью воздух:

— Чем, в конце концов, был повсеместно славен Город, который вы хотите отстроить в виде железобетонных, антиударных коробочек? Именно «физиономиями допотопных фасадов». Кривизной улиц, которые «словно сотни ручьев стекаются к одному озеру: вечно кипящей пестрой толпой Соборной площади». Старинным Храмом на этой площади, «не попавшим в число Чудес света только по чьему-то позорному недомыслию».

Выкрикивая цитаты, телеобозреватель трещал книжными страницами.

— Те из вас, кто не забывает хоть изредка перечитывать классику, конечно, узнали автора этих строк. Так вот, один из ярчайших писателей девятнадцатого столетия, уроженец разрушенной теперь столицы, он сказал однажды: «Если этот Город когда-нибудь погибнет, его можно будет восстановить по моим произведениям». Так о чем же мы спорим? Первый том собрания сочинений у меня в руках, остальные семь вы найдете в любой хорошей библиотеке. Кому нужен другой план реставрации?!

И вслед за последними словами Коха аудитория разразилась криками, нестройными аплодисментами, свистом, топотом. Словом, как и ожидалось, вышел скандал.

Большая часть делегатов, по крайней мере внешне, была настроена против диковинного предложения, и контраргументы не отличались разнообразием:

— Чепуха.

— Извините, вы знаете, сколько это будет стоить?!

— Да, коллеги, смета! Смета!

— И потом, если даже на минуту предположить...

— Чушь.

— Нет, я все понимаю, но согласитесь, что...

— Смета!

— Да нет, ерунда. Реникса! Абсурд!

В пылу спора многие ринулись к трибуне, кто-то откровенно хохотал, кто-то просто отправился в буфет. Журналисты, пользуясь заминкой, звонили по своим редакциям.

Но был в зале человек, который, не подавшись общему смятению, продолжал сидеть на своем месте и лишь задумчиво теребил холерную бороду.

Состояние Уильяма Уэллса измерялось единицами четвертого класса.

Не занимаясь политикой официально, он твердо знал, что ни одно по-настоящему значимое политическое решение на этой планете не будет принято без его ведома. Не считая себя общественно значимой фигурой, он всегда лично просматривал и утверждал списки приглашенных на заседания Совета Наций. Дожив только до сорока восьми лет, он мог себе позволить... Он мог себе позволить все. Но давно уже ничего не позволял — к чему? Скучно, господа. Все знали: там, где Уэллс, не бывает сенсаций. Его прозвали Тихим, как ленивого короля. О нем нечасто вспоминали даже газетчики.

Но — вот. Город, отстроенный по книжкам? Любопытно. Нет — крайне любопытно. Нет — неслыханно! Небывало! Тут есть о чем...

Додумывал Уэллс уже на ходу, спеша к президиуму и пряча в бороду счастливую детскую улыбку.

Делегаты встретили его появление на трибу-

не почтительно и недоуменно. Если уж в кои-то веки решил высказаться Тихий Вилли...

– Леди и джентльмены!

Уэллс обвел все еще беспокойный зал умиротворяющим взглядом.

– Друзья мои, не будем спешить с выводами.

Признаюсь: лично мне предложенная идея кажется не лишенной смысла. Более того — очень перспективной...

Международные фонды раскошелятся, — это стало ясно каждому, как только Уэллс дал понять, что его речь станет апологией фантастического проекта. «За» выступят крупнейшие политики, бизнесмены, информационные агентства. Дело в шляпе.

Но Тихий Вилли — все-таки не король. Чтобы напомнить миру об этом, привычно развернули демократическую дискуссию часа на полтора.

А через полтора часа кто-то высказался в том смысле, что неплохо бы, наконец, дать слово представителям искусства и науки. Кому как не им разбираться в архитектуре или, скажем, в хитросплетениях сюжетов классических романов? По их мнению: жизнеспособен ли обсуждаемый проект?

– Да как же можно в этом сомневаться?!

Все взоры обратились на еще одного защитника идеи Коха.

Академик Тамм был предельно краток: гениально, благородно, величественно, единственно возможно. Николай Петрович остро чувствовал: еще полчаса в этих несносных, тесных штиблетах, и он — труп. Заседание нужно было закончить во что бы то ни стало.

Сомневаться в компетентности величайшего филолога мира не приходилось.

Уэллс послал измученному академику теплый, благодарный взгляд. Телеобозреватель Конрад Кох пожал плечами, дав понять, что он ни минуты и не сомневался.

Предложение поставили на голосование.

Со счетом 321 — 46 при 32 воздержавшихся — победили сторонники проекта. Если уж мировая общественность согласна оплатить благотворительную акцию, она проводит эту акцию исключительно так, как сама считает нужным.

– Канальи!

Игнатий Стравински, владелец сети туристических фирм под общим названием «Сиеста», раздавил в пепельнице недокуренную сигару и подошел к окну. За окном гудела гигантская стройка.

Поверженный Город восставал из руин буквально на глазах. Со времени знаменитого заседания Совета Наций прошло всего полгода, и вот вам: Кафедральный собор почти достроен (в нем для строителей уже бесплатно играл симфонический оркестр, дирижер специально чуть не из Монголии прибыл), набережную короткой, дрянной речонки снова в гранит одели, двух-, четырехэтажные домики как грибы растут.

– Два этажа! К-канальи!

И господин Стравински безнадежно сплюнул.

Надо признать, что реставрация Города по классическим романам действительно продвигалась на удивление быстро. И не только благодаря энтузиазму зодчих и объему инвестиций. Дело в том, что архитекторам и строителям очень помогала та самая пресловутая многословность покойного классика, которая иной раз так мешала его читателям.

Едва с какой-нибудь бывшей улицы полностью вывозили оставшийся от землетрясения крупный мусор, по битым стеклам и колотому кирпичу начинали вышагивать подрядчики с толстыми книгами в руках:

– «От угла Дома Собраний до пивной «Молли Дин» с веселой рожицей на вывеске... (ну это пусть потом дизайнеры разбираются) ...с веселой рожицей на вывеске — ровно пятьдесят восемь шагов, Томми знал это, потому что...» Тэк-с... Пятьдесят восемь шагов! Это будет... Вот именно! А у тебя сколько?!

И бредущий следом архитектор покорно делал новое исправление в чертеже.

– Смотри у меня! Книгочей с комиссией приедут, перемерят, недосчитаются, — и прощай, подряд. Желающих на наше место хватает. Вымарывай отсебятину к чертовой матери!

– Ну и ладно. Мне же проще. Ответственности меньше.

– И построим быстрее.

– Тоже верно.

Книгочеями, с легкой руки какого-то газетчика, стали называть вездливых чиновников, очень быстро забравших огромную власть в строящемся Городе. Обязанностью этих чиновников было следить, чтобы проекты новых зданий ни на букву не отступали от описаний классика, — идея есть идея. На любые возражения книгочеи отвечали фразой своего идейного вдохновителя и непосредственного начальника Уильяма Уэллса:

— Не путайте диктант с изложением.

С Тихим Вилли, так увлекшимся своей гигантской игрушкой, предпочитали не спорить.

А иногда очень хотелось бы...

Хозяин «Сиесты» раздраженно повернул голову к рабочему столу, когда бархатный голос секретарши возвестил через интерком:

— К вам господин Йожеф.

Пришлось застегнуть пиджак и погрузиться в кресло.

— Ладно, давайте сюда этого жулика.

— Понимаю ваши сомнения, но спешу уверить, что я не жулик. Впрочем, скоро вы сами сможете в этом убедиться. Добрый день.

Господин Йожеф, приветливо улыбаясь, уже стоял в дверях кабинета. На вид ему было лет тридцать пять, строгий черный костюм делал его похожим на тайного агента из телесериала про мафию. Стравински презрительно хрюкнул в пышные усы. Никак не отреагировав, посетитель подошел и уселся в кресло напротив. В руках он держал обычную папку для бумаг.

— Вы позволите?

— Что вам нужно?

Господин Йожеф снова лучезарно улыбнулся:

— Вижу, что свободного времени у вас немного. Поэтому давайте лучше сразу поговорим о том, что нужно вам.

— Быка за рога? Знакомый стиль работы. Что ж, валяйте.

Посетитель удовлетворенно кивнул и, полуприкрыв глаза, заговорил — сухо и монотонно:

— Ваша фирма за баснословные деньги купила участок земли для строительства отеля в одном из самых живописных мест на окраине Города. Верный шаг. От туристов здесь нет отбоя даже теперь, хотя общая реставрация

пока только начата. Понятное дело: такого Города зеваки еще не видели.

— Какая осведомленность!

Не желая слышать сарказма, Йожеф продолжал:

— Но зевакам нужен комфорт. «Сиеста» хотела бы его предоставить, но — увы! — не имеет возможности. По генеральному плану строительства ваш отель должен полностью копировать недорогую гостиницу конца девятнадцатого века. Значит, придется забыть о соляриях, джакузи, танцевальных площадках... Словом, о сотнях милых мелочей, без которых немислима жизнь или, во всяком случае, полноценный отдых современного человека. Таким образом, вы не имеете права украсить бланки вашего отеля нужным количеством звезд. Снижение доходов, удар по репутации. Обидно.

Тут господин Йожеф подался вперед, и его глаза лукаво блеснули:

— Но это даже не главное. Всего два этажа! Всего двадцать довольно скромных по размерам гостиничных номеров! В то время как вы желали бы получить в собственность, по крайней мере, тридцать. А книгочеи во главе с этим сумасшедшим денежным мешком Уэллсом не позволяют.

— И? — Стравински уже смотрел на своего гостя с живым интересом.

— За разумное вознаграждение я добуду для вас недостающие десять номеров. Кроме того, научу сделать так, чтобы ваш отель стал одним из самых просторных и комфортабельных в будущей столице.

— Каким образом? Если не возражаете, начнем с дополнительного этажа.

Вместо ответа посетитель раскрыл свою канцелярскую папку и протянул бизнесмену стандартный бумажный лист.

Заглянув в этот документ, Стравински сосредоточенно нахмурился, а минуту спустя, нервно покусывая верхнюю губу, потянулся за очередной сигарой.

— Но это точно? — уже предчувствуя удачу, хозяин «Сиесты» все-таки скривил лицо в недоверчивой усмешке.

— Вполне. Я слышал, вы читаете по-венгерски. Именно поэтому к вам и обратился. По рукам?

– Так. Так-так. Тэ-эк-с...

Стравински чиркнул спичкой, и через несколько секунд из облака табачного дыма навстречу руке Йозефа вынырнула пухлая ладошка с бриллиантом на указательном пальце.

– Договорились. Стоит попробовать хотя бы для того, чтобы потянуть за нос Уэллса. Действуйте, старина.

Молча и с остервенением растолкав толпу журналистов, запрудившую ступени перед зданием Главного суда, внушительный сухопарый джентльмен с благообразной седinouй на висках добрался до своего лимузина и, сопя, протиснулся внутрь. Сопровождавший его молодой человек в последний раз отмахнулся от десятка микрофонов и скользнул следом. Водитель, не оборачиваясь, нажал на газ, и автомобиль тронулся с места.

Некоторое время в салоне лимузина царило тягостное молчание. Наконец молодой человек, не выдержав, попытался участливо заглянуть в глаза своему патрону:

– Мистер Бор... Сэр...

– Я не нуждаюсь в вашем сочувствии, Леблан!

Но судя по тому, что уже спустя мгновение Максимилиан Бор сам продолжил резко прерванный разговор, в некотором сочувствии он все-таки нуждался. Да и немудрено.

– В моей юридической практике это второе проигранное дело. Первое случилось тридцать один год и два месяца назад, тогда я был даже моложе вас.

– Конечно, сэр. Вы, без сомнения, лучший адвокат Европы. Недаром Уэллс нанял именно вас...

Юноша попытался улыбнуться, но тут же сообразил, что сделал промах.

– Нанял! Ну и как мы теперь будем перед ним отчитываться?! – почтенный юрист яростно потянул за узел свой дорогой галстук. – И кто такой вообще этот Иштван Йозеф! Откуда он свалился на мою голову?..

Справедливо сочтя вопрос риторическим, Леблан промолчал, но Бор продолжал бушевать:

– Нет, каково! Оказывается, наш многоуважаемый классик был венгром по матери и

лично редактировал переводы своих романов на венгерский! В будапештских изданиях гостиница «Упрямый кабан», видите ли, описана не двух-, а трехэтажной! Даже авторская правка на гранках сохранилась. А то, что существуют фотографии и чертежи здания, в расчет больше не принимается! «Есть текст! Есть текст!» Воображаю, как доволен пройдоха Стравински!

– Конечно, ситуация неприятная. Но ведь «Упрямый кабан» строится на отшибе. Едва ли это серьезно повредит общему замыслу мистера Уэллса.

В ответ Бор поглядел на своего помощника, как старый филин на белую мышь:

– Когда барон Леблан рекомендовал мне своего сына, я был уверен, что приобрету более сообразительного ученика. Думаете, почему так всполошились газетчики? То, что случилось сегодня, называется прецедентом. Теперь начнется. Венгр по матери! – Максимилиан Бор фыркнул. – В Москве недавно переиздано полное собрание нашего досточтимого классика. А есть у вас гарантии, что он вдруг не окажется русским по деду?

– Нет, – ответил Леблан и тяжело вздохнул.

– А кто может быть уверен, что отпрыску самого что ни на есть аристократического рода какая-нибудь двоюродная бабка не пела в детстве песенки на идиш?

– Никто, – ответил Леблан и почему-то покраснел.

– Вот именно. Если постараться, в художественном тексте еще и не так, и не то можно вычитать. Так что не будем недооценивать сообразительность этого выскочки из Капошвара.

И адвокат Максимилиан Бор устало откинулся на спинку кожаного сиденья.

В тот момент он даже не подозревал, насколько недооценил Иштвана Йозефа.

Не без опаски перешагнув порог ниспосланного ему Богом и предоставленного фирмой «Сиеста» номера гостиницы, Антти Лейно, полицейский из Хельсинки, изумленно раскрыл рот и в который уже раз за последние полчаса произвольно выдохнул:

– Перкале!

Вопреки расхожему мнению о финской не-

сообразительности, Антти почувствовал неладное уже перед входом в отель, когда, отпуская такси, заметил, что «Упрямый кабан», пожалуй, несколько великоват для точной копии старинного здания, а ведь именно так рекомендовал его рекламный проспект. Окна первого этажа отстояли от фундамента метров на восемь, ступени крыльца были впору разве что лапландскому троллю, и кто-то предусмотрительно уложил поверх них дощатые сходни. Взобравшись по этим сходням, Антти озадаченно уставился на парадную дверь высотой с новые ворота средневекового замка. Но к постояльцу уже гостеприимно спешили работники отеля. Дверь перед Антти им пришлось отворять впятером.

Холл гостиницы Антти толком разглядеть не удалось, ибо портье, без умолку извиняясь за то, что отделочные работы еще не завершены, протащил гостя под руку через огромный зал и оставил на попечение еще более энергичного мальчишки-коридорного. Тот проворно подхватил чемоданы и, объяснив, что лифт пока тоже не действует, но это не страшно, устремился к очередным сходням поверх великанских ступеней. Ничего не оставалось, кроме как последовать за ним и через несколько минут замереть на пороге заранее заронированного «люкса».

— Перкале!..

Помолчав с минуту, Антти Лейно сердито обернулся к своей молодой жене Ани, повсюду следовавшей за ним бесшумной тенью. В конце концов, именно Ани попросила об оригинальном свадебном путешествии в строящийся Город. Может быть, жена сумеет объяснить мужу, в какую чертову переделку они попали?

Но малютка Ани только переминалась с ноги на ногу, молча глядя на комнату круглыми от изумления серыми глазами.

Номер четы Лейно по размерам больше напоминал хороший спортзал. Оно бы и ладно, даже впечатляет, но какой идиот расставил тут стулья, до сидений которых здоровяк Антти не смог бы дотянуться, даже встав на цыпочки? И почему столешницу можно разглядеть только снизу, да и то лишь задрав голову? И на какого лешего молодоженам кро-

вать размером с теннисный корт?! Хотя погодите-ка...

— Вы надо мной издеваетесь? — Антти ткнул пальцем в гигантское ложе. — Думаете, если у нас медовый месяц, то...

— О, вам совсем не обязательно пользоваться этой постелью! — поспешил заверить коридорный и широким жестом указал в другую сторону. — Взгляните.

В дальнем конце огромной комнаты, в тени многометрового комода примостилась мебель вполне нормального, человеческого размера: тумбы, кресла, двуспальная кровать... Кажется, великан-хозяин комнаты устроил для пятилетней дочери кукольный уголок. И, надо сказать, уголок весьма и весьма недешевый.

— Четыре кожаных дивана, пуфики, три рабочих стола, два обеденных, несколько шкафов, обычных и встроенных, — с гордостью перечислял коридорный. — Телевизор с плазменной панелью, телефон, ну и так далее. Вон там, чуть подалеже, есть даже зимний садик с фонтаном. Если во время сна вас пугает большое открытое пространство, над кроватью можно опустить полог. Уборная тоже очень велика, но в ней вы найдете подходящую по размеру и при этом самую современную и удобную сантехнику: джакузи, биде...

— А на кой черт вам все это понадобилось? — уже закипая, осведомился Антти.

— Биде, сэр?

— Да не биде, осёл! — Антти обвел комнату волосатой ручищей. — Вот это. Это все!

Очевидно, уже привычный к недоумению постояльцев, коридорный тонко улыбнулся:

— Видите ли, наша гостиница выстроена в точности такой, какой она описана в одном популярном романе...

— Это роман о великанах?

— Н-нет, сэр. Но все начинается с того, что главный герой, некий Неилс, однажды проснулся вот в этом самом номере «Упрямого кабана» и понял, что за ночь, проведенную с невестой своего ближайшего друга, непостижимым образом стал жалким карликом. Девушка в ужасе бежит от него, а хозяин гостиницы начинает показывать крошечного Неилса зевакам за деньги. Молва о карлике разносится по всему Городу, его выписывает к себе сам

король. Неилс раскаивается, все время пытается искупить свою вину, поэтому успеваешь сделать людям много добра. Чем все кончилось, не скажу, а то вам читать будет неинтересно. Но, по мнению виднейших критиков, соль романа в том, что герой четырехста страниц смотрит на окружающий мир снизу вверх, как бы новыми глазами. Администрация отеля дарит вам возможность испытать это непередаваемое ощущение.

Уже фиолетовый от ярости Антти дождался конца лекции и ядовито поинтересовался:

— Я что же, должен переспать с невестой друга?

— Что вы, сэр!..

— Выходит, я жалкий карлик?

— Ни в коей мере, сэр.

— Ну, так засуньте себе эти ощущения в...

Мы уезжаем!

— Но, сэр...

— Ани!

Однако за разговором Антти не заметил, что его малютка жена уже успела пройти далеко в глубь удивительной комнаты и теперь потрясенно разглядывала ножку кресла, которую с трудом могла обхватить руками.

— Антти, это чудесно...

Глаза Ани светились, как у ребенка при виде горы именинных подарков.

— Ты что, не слышала? Мы уезжаем отсюда! Немедленно!

— Но, дорогой...

— Ты слышала меня? Мы уезжаем.

— Нет!

О, если бы рядом не стоял болван коридорный! Уж, наверное, Антти сумел бы справиться с потрясением как-нибудь иначе. Но Ани, его безответная Ани впервые в жизни возразила мужу — на глазах у постороннего. Сглотнув, Антти Лейно ответил на это — медленно и решительно:

— Ах, вот как. Тогда выбирай: или я, или этот сумасшедший дом.

Перепуганная собственной решимостью, Ани отступила на шаг — еще глубже в комнату.

— Милый, ну как же ты не видишь... Это... Как в Доме Горного Короля, понимаешь? Я еще никогда в жизни... Я думала, со мной никогда не случится так, чтобы...

— Считаю до трех. А потом мы в разводе. И можешь платить за этот дурацкий номер из собственного кармана. Раз!..

— Милый...

— Два!

Отступив еще на шаг, Ани, как в спасательный круг, вцепилась в бахрому покрывала, свисавшего с огромной кровати. По щекам молодой женщины текли слезы. И Антти, не досчитав, решительно повернулся и вышел вон. Коридорный бросился вслед за ним.

Ани хотела бежать за мужем, но не смогла. Да, всё начиналось очень печально. Но разве можно было теперь уйти?..

И малютка Ани, доверчиво улыбаясь сквозь слезы, глядела и глядела на свой Дом Горного Короля — ожидая, что вот-вот начнется сказка.

Три года спустя через Соборную площадь Города скорбно текла похоронная процессия.

Со стороны, из-под зонта летнего кафе, за процессией наблюдали двое. Один — молодой живописец, небритый, саркастичный и полупьяный с утра. Художник с гордостью носил фамилию Пирогов и потрепанный джинсовый костюм. Другой был средних лет американец по имени Джозеф Гай.

— Какая ирония, — отхлебнув пива, живописец недобро усмехнулся. — Чуть не первые похороны в этом сумасшедшем Городе, и кого же хоронят? Самого Уильяма Уэллса, великого и ужасного.

— О!

Американец вскочил из-за столика и благочестиво сдернул с головы пеструю бейсболку.

— Бросьте, Джозеф. Садитесь. Вы чуть не опрокинули свой кофе. Неужели весть о смерти Уэллса за три дня так и не добралась до Аризоны?

Мистер Гай вновь уселся и покачал головой: — Я в последнее время не слежу за новостями. Не думал, что увижу такое сразу, как прилечу. Бедняга. Ему ведь и шестидесяти не было? А похоронят прямо в соборе?

— Много чести.

— О! Пожалуй, отстроенный Город мог бы не отказать в такой малости праху своего создателя.

Художник Пирогов присвистнул:

— Сколько пафоса. Город разорил Уэллса и свел его в могилу, верно. А вот создали этот бедлам адвокаты и паевые фонды. Вы слышали об Иштване Йожефе?

— Конечно. Что за молодец! Эта история с гостиницей... Надо же: сыграл на постулате самого Уэллса, добился разрешения построить здание таким, каким оно описано в книге. Но все равно удивительно, что одна дерзкая шутка имела столь грандиозные последствия.

— Да какие уж тут шутки. Если ваш сосед приобрел дойную корову, хочется купить себе такую же, хотя бы про запас. Вот фирма «Систеста» поставила своего «Упрямого кабана». Ну, такими же монстрами решили обзавестись «Атлантик» и «Дюна», а там и все остальные застройщики. Уэллс, конечно, пытался судиться, но куда там! Уж коль разрешили одному — чем хуже другим? Пресловутый Неилс из романа был шустрый мальчик. Успел тут сунуть нос практически везде. И все описал, — читай да строй. В итоге мы имеем Город, который по росту разве что вон тому истукану.

И Пирогов небрежно кивнул в сторону площади.

Напротив храма, в котором уже скрылась толпа скорбящих, высился одинокий монумент. Судя по цвету бронзы, совсем новый. Спрятав за спину лохматую рукопись, покойный классик задумчиво взирал на воспетый им собор. В любом ином окружении статуя казалась бы огромной, но площадь обступали дома такого гигантского размера, что даже храм, один из величайших на свете, выглядел рядом с ними садовой беседкой. Утреннее солнце не могло пробиться сквозь стены, стены и стены — даже к верхушкам церковных шпилей. Над площадью царили вечные сумерки. И жутковато было подумать, что улицы великанских домов тянутся от площади на многие, многие мили... Джозеф Гай невольно вздрогнул и торопливо поинтересовался:

— А этот памятник... Его ведь не могло быть в конце позапрошлого века? Как же разрешили?

Пирогов только махнул рукой:

— Много чего быть не могло. Это же все лукавство — «в точности, как было, только в увели-

ченном масштабе». Жить-то все равно людям. Телевизоров тогда не существовало, автомобилей. Таких кафе, в каком мы сейчас сидим. А скажем, деревья? Говорят, учредили специальную премию для генетика, который сможет вырастить буки соответствующего размера. Но пока что-то не очень выходит. Впрочем, в Городском саду, в постоянной тени, никакие деревья не растут. А то, что размеры Города увеличились в несколько раз? Ведь ландшафт окружающий менять пришлось, чуть не горы срывать. Понимаете, этот Город попытались считать, как компьютерную программу. А в программе вирус. Впрочем, я не силен ни в метафорах, ни в высоких технологиях...

Джозеф Гай глотнул кофе и не без ехидства вернул:

— Вот вы все браните это место. Тем не менее живете здесь уже второй год и уезжать не собираетесь. И не вы один.

Пирогов спросил счет у проходившего мимо официанта, помолчал и неохотно кивнул:

— Верно. Черт знает что. Приезжает сюда человек и — либо сразу бежит как от огня, либо застревает насовсем. Тут живешь как во сне. Ученым, художникам, поэтам разным — будто медом намазано. Вообще, люди с некоторой долей воображения со всего мира едут, селятся... Вот и представьте себе портрет среднестатистического местного обывателя. Где в мире еще такое может быть?

— Да, чудачки со всего света, думаю, уже переселились. А их немало. У моего старшего брата строительная фирма. Он упустил время, только год назад сунулся и, разумеется, безрезультатно. Место под застройку в Городе уже невозможно купить ни за какие деньги. А знаете, сколько стоит здесь жилье?

— Поверьте, знаю! — художник раздраженно сунул в рот сигарету. — Где там наш официант?..

— Что же вы так раскипятились?

— Деньги, деньги! Если на то пошло, деньги заслонили все. И вышла мерзкая пародия. На месте этого бронзового болвана я сошел бы с пьедестала и поубивал тут всех. Который год в его романах глубже описаний улиц никто не забирается, а поверьте, там есть о чем почитывать и кроме... Эй, Джозеф, что это с вами?

Американец застыл, пораженный внезапной мыслью.

– Что вы сказали, Женья?

– Я просто хотел сказать, что...

– Забраться глубже?..

– Ладно, не берите в голову.

– Э, нет. Такой идее я попусту пропасть не дам, сегодня же позвоню брату! Женья, вы гений!

Художник Пирогов пожал плечами и небрежно развернул принесенный официантом счет.

– Конечно. Именно поэтому вы так удачно и продаете мои картины.

К реализации амбициозного проекта «Плутон» «Guy & Guy Company» приступила уже через несколько месяцев.

Разумеется, пришлось повозиться с бумагами, пару раз даже постоять за идею в суде, но к тому времени не было в мире лучших адвокатов по вопросам строительства, чем адвокаты фантастического Города, — дело пошло.

Поскольку на муниципальной земле не осталось места для новых бутиков, казино, кинотеатров, ресторанов и т.д. — все это решено было разместить под землей. Дорогу в будущее Города доверили проложить шахтерам.

Сагирики упражнялись в шутках на тему глубоких трактовок классики. Жители ворчали: им не спалось, когда ночами по улицам мимо гигантских, гулко резонирующих зданий тянулись колонны самосвалов, вывозящих тысячи тонн вынутаго грунта.

Но никому и в голову не приходило, что за этим последует.

5 сентября 2006 года бригада шахтеров под руководством Германа Бертолле приступила к работе на участке 34/167. В 4.38 утра один из подручных сообщил бригадиру, что на северо-западном направлении в грунте обнаружена каверна, и, судя по всему, весьма значительных размеров.

– Этого еще не хватало!

Ситуация справедливо считалась нештатной, требовалось все проверить, в случае не-

обходимости начать эвакуацию персонала, сообщить инженеру по технике безопасности. Поэтому Бертолле рассердила глуповатая улыбка на лице рабочего.

– В чем дело, Гамсун? Надеюсь, все отошли на безопасное расстояние? Крепеж в порядке?

– В порядке, шеф. Только...

– Да что там такое? Газ?

– Вы лучше сами посмотрите.

Сердито пыхтя, бригадир поспешил к указанной штольне, по дороге ему пришлось расталкивать локтями толпу своих подчиненных.

– Совсем сбрендил? Инструкций не знаете? Назад! Уволю всех к чертовой матери! Что за...

Но, достигнув конца штольни, Герман Бертолле замер, как соляной столп. Увиденное потрясло его и подвигло лишь на одну реплику:

– Под землей? Но... Что это... ад?

– Шеф, в аду не поют птицы.

Обернувшись, Бертолле понял, что, невзирая ни на какие угрозы, бригада в полном составе стоит у него за спиной. Кто-то хихикнул:

– Дык... в газете фельетон был, что-то там про суть Города, про Глубины... Вот и докопались.

Штольня заканчивалась огромным провалом, а дальше, насколько хватало взгляда, тянулась бесконечная пещера, освещенная неизвестно откуда исходящим голубоватым сиянием. Воздух в пещере был свеж и прозрачен. Вдалеке виднелось хрустальной чистоты озеро. А по берегам озера, в густой тени каких-то неизвестных деревьев мирно паслось стадо белых как снег животных. Животные отдаленно напоминали буйволов. И действительно, всю щебетали птицы.

Борясь с неодолимым желанием немедленно рзуться, вдохнуть полной грудью и броситься к воде, Бертолле пробормотал:

– Но откуда... воздух? И почему так тепло?

– Это еще не самое удивительное, шеф. — Гамсун подошел ближе и, деликатно указывая, положил руку на плечо бригадира. — Смотрите, здесь растут зеленые цветы.

* * *

Сбивчивые отчеты и смутные слухи, тотчас полетевшие из Города во все уголки планеты, были столь неправдоподобны, что не поверил, кажется, никто. Но никто особенно и не удивился: чего же еще и ждать от жителей безумной столицы? Вероятнее всего, мистификация.

Но теперь рассказывают, что уже к полудню 5 сентября Город опустел почти совершенно. Якобы не помогли никакие кордоны и запреты: горожане тысячами повалили в катакомбы, чтобы взглянуть на чудо. А спустившись под землю, не находили в себе сил с чудом расстаться и толпами забирались все глубже и глубже в волшебную подземную страну.

Так ли это было на самом деле, утверждать не беремся.

...Но доподлинно известно, что в 15.45 по местному времени был зафиксирован первый подземный толчок нового землетрясения силой в 4 балла. Потом толчки следовали один за другим с интервалом в несколько минут: 5 баллов, снова 4, 6, 5...

У гигантских зданий, под фундаментами которых, к тому же, успела основательно поработать фирма предприимчивой семьи Гай, не было никаких шансов. Все произошло в

течение какого-нибудь часа, но пыль осела только к вечеру.

И с опозданием прибывшие на место совершенно уже бесполезные спасательные команды увидели, что от всего Города уцелело только одно, самое маленькое строение: Кафедральный собор. Напротив собора, покосившись, но устояв, высился одинокий бронзовый монумент.

Наконец-то освещенные заходящим солнцем, они молча глядели друг на друга: Автор и Храм.

Так же глядят они друг на друга и до сих пор — посреди мертвой пустыни, но немного теперь найдется желающих их навестить.

И легенда о целом народе чудаков, ушедших за несколько часов до трагедии в Чудесную Подземную Страну и, возможно, построивших где-то там Новый Город, все еще ждет достойного воплощения на бумаге.

□

Кирилл Владимирович ОЛЮШКИН

родился в 1977 году в Петрозаводске.

Учился в ПетрГУ,

позже — в Литературном институте.

Окончил ВГИК в 2003 году

(сценарный факультет, мастерская Н.Б.Рязанцевой).

Кинодраматург.

Автор сборника стихотворений «В пути» (Петрозаводск, 2000).

